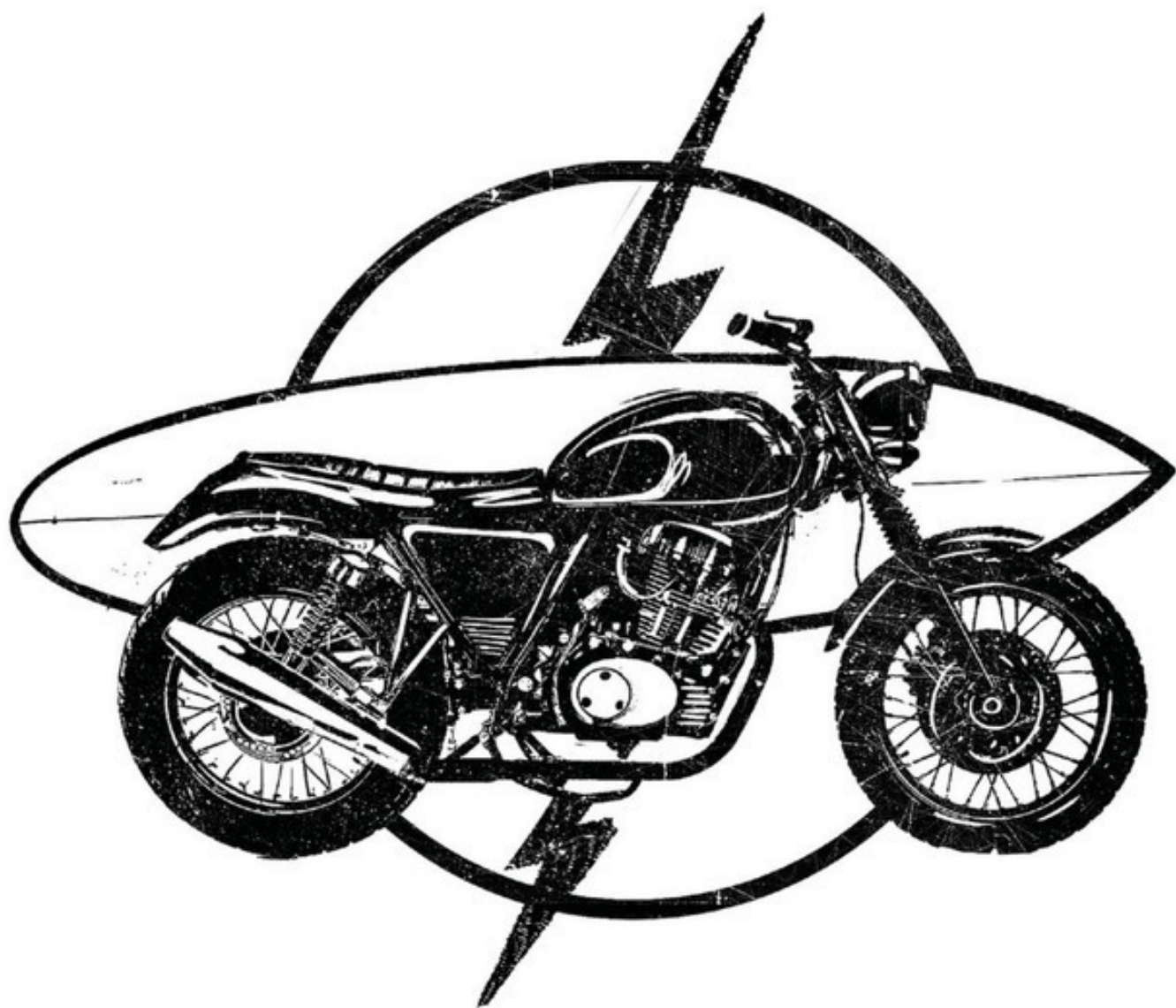

ЕВГЕНИЙ ГУЩИН

**З А П И С К И
С Е Р Ф Е Р А**

Евгений Гуцин

**Записки серфера.
Выше волн Улувату**

«Издательские решения»

Гущин Е.

Записки серфера. Выше волн Улувату / Е. Гущин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833540-2

«Записки серфера» не могут оставить безразличным человека, который решился в погоне за мечтой на риск, путешествие и жизнь с чистого листа. Для многих рожденных в СССР само ощущение свободы передвижения уже кажется нереальным, а серфинг вообще космическим. Главный герой, уезжая за мечтой, находит ответы на многие вопросы в себе. Для меня все это близко и понятно. Я и сам переживал подобное. Сергей Расшиваев Президент Российской Федерации Серфинга, профессиональный серфер.

ISBN 978-5-44-833540-2

© Гущин Е.
© Издательские решения

Содержание

Благодарность	6
Записки серфера	7
Утро	7
На Балангане	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Записки серфера Выше волн Улувату Евгений Гуцин

© Евгений Гуцин, 2016

© Михаил Михайлович Чернов, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-3540-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность

Особая благодарность *Александрю Жихареву* за то, что в вечер трудного дня мне всегда было с кем потолковать, а иногда и пропустить по стаканчику. И за многое другое. Без него этой книги бы не было.

Отдельная благодарность *Сергею Расшиваеву*, чей пример и советы много лет назад помогли мне поймать первую волну.

Также благодарю ирландский паб «Моллис» (г. Москва, ул. Мясницкая, 13/3) в котором была отредактирована не одна глава этой повести, а в частности барменов: *Диму Уса, Мишианю, Мишу Коня и Женю*.

Благодарю за поддержку *родителей и родственников, особенно моего брата Андрея, Артема Кузнецова, Леру Симон, Романа и Викторию Ходжаевых, Никиту Устинова, Арину Амербекову, Александра, Екатерину и Стефанию Чаус, Никиту Монахова, семейство Подшиваловых и отдельно Кирилла, Илью Кабанова, Владимира Заботина, Сергея Сергеева, Дмитрия Колесникова, Илью Губарева, Алексея Петренко, Владимира Филаткина, Дмитрия Арутюнова, Анну Лагойскую, Дмитрия Осипенко, Анастасию Чехову, Кирилла Николаева, Леру Роцину, Никиту Лиханова, Влада Жигалова, Ольгу Джериеву, Софи Бокань, Лею Чайникову, Кима Малыгина, Артема Артекинга Ляховского, Федю Денисова, Антона Евсеева, Сергея Прекраснова, Анастасию Черепанову, Женю Умкру, Аню Цвиркун, Артемия Драгуинского, Александра Сколкова, Семена Бабушкина, Инессу Блохину, Александра Лаврентьева, Дарью Одинцову, Романа Жарикова, Ягра Козловского, Леху Холмского, Валентина Ксевена, Марабуку Фредериксена, Илью Клишина, Антона Щербинина, Кирилла Еха, Владимира Курашова, Виктора Логунова, Дмитрия Кинова, Марину Романову, Антона Усова, Михаила Чернова, Лизу Овинову, Аннет, Лолу Лалабекову, Кристину Орел, Зою Адамову, Наталью Давыдову, Ксению Кузину, Кристину Шамирову, Ани Мартирасян, Никиту Лободина, Анастасию Молчанову, Фиделя Агумаву, Марианну Бондареву, Бориса Кима, Екатерину Андрееву, Владимира Филаткина, Дениса Алексева, Марию Сергееву, Антона Петренко, Дениса Кима, Павла, Дамира, Андрея, Галину Корчагину, Андрея Орлова, Ольгу Матросову, Эдуардо Кабейо Гонзалеса, Гуса Кабейо, Ариффа и Дину Русман, Хуанма Мота, Ваяна и Би Ниосс, Давиза Майо, Германа Санчеса Родригеса, Петра и Козиму Войцики, Яну и Маркуса, Жозефин Агонду, Аделаид Агаг, Карлоса Ла Касу, Мэтта Сэйттэм, Даниэля Пинто, а также Сукото Апаче и его семью.*

Записки серфера

Утро

Прогноз был три-четыре фута с чистым оффшорным ветром, и встал ты в прекрасном расположении духа, предвкушая солнечный день, полный хороших волн. Чистя зубы в небольшой уборной с душем и туалетом, ты видел в зеркале, как выгорели на солнце брови. С тех пор, как в первые дни лицо и плечи облезли, и ты не мог спать, кожа заметно потемнела и больше не жгла. Нужно было только намазывать плечи жирным слоем крема перед каждым катанием. Торс обрастал мышцами, а руки — стоило зайти с доской в океан — уже не ныли.

За окном кричали петухи, ранние лучи только начинали раскалять рыжие крыши домов. На просыпающейся деревенской улице появлялись первые люди. Невыспавшиеся дети с портфелями лениво тянулись в сторону школы, а взрослые выезжали на работу, нарушая тишину утра гулом своих мотороллеров.

Высокий двухэтажный дом стоял на вершине холма. В саду водились кузнечики размером в ладонь. Кошки ловили их и тащили в дом. Кухню и две спальни на первом этаже занимали соседи. Старая деревянная лестница зигзагом вела на второй этаж в твою комнату — она высилась, словно скворечник, одним окном выходя вовнутрь дома, а другим — на деревню. Матрас в углу, который служил кроватью, картина обнажённой балийки на стене, окна без занавесок, просторно и всегда светло днём. А по ночам в окно было видно небо, усеянное звездами. Одна дверь вела в душ, а другая — на большой балкон, с которого открывался вид на всю деревню. Через дорогу стоял храм, где ранним утром проходили церемонии. Тебе понравилась и комната, и дом, и плетёные кресла у телевизора, и соседи, стоило их в первый раз увидеть. В тот день ты сразу сказал, что согласен, вывел новый адрес на клочке бумаги и положил в карман шорт, на случай, если забудешь дорогу.

По скрипучим деревянным ступеням ты спустился вниз. Поел, взял лонгборд, что арендовал у местного жителя, вышел во двор, закрепил его на мотоцикле, намазал плечи кремом от загара, открыл ворота и выехал на улицу.

Из храма повеяло благовоениями, кто-то только что принёс подношения богам. Несмотря на то, что солнце уже припекало довольно сильно, утро было пропитано свежестью нового дня.

Деревня Гирихил спряталась в глубине полуострова, и жили в ней лишь коренные балийцы. Кроме пенсионера-англичанина, обосновавшегося в этих краях ещё лет двадцать назад, в радиусе нескольких километров не сыскать было белого человека. Тебе нравились пёстрые улицы, аккуратные ряды ухоженных домов с черепичными крышами, небольшая продуктовая лавка через дорогу со столиками под навесом, где в жаркий день приятно сидеть в тени, резьба по камню и статуи повсюду, ощущение, что ты вдали от цивилизации.

Здесь ты знал всех, и все знали тебя — дед-англичанин, местные, явайцы-строители. Вечерами после катания ты заживал в лавку, тебе ставили бутылку холодного бинганга и доставали пачку сигарет. Спрашивали, как сегодня волны и много ли туристов на пляже. Людей в деревне было мало, и ты ценил их, интересовался их жизнью.

Сейчас Гирихил остался позади. Под треск двигателя одна деревня перетекала в другую, мимо проносились написанные на бахаса разноцветные вывески забегаловок, а грубую каменистую дорогу сменял гладкий асфальт. Ты ехал в одних шортах, и прохладный ветер трепал их, обдувал тело и плечи, припекаемые солнцем. Навстречу двигались балийцы на мотороллерах, небольшие местные грузовики, как и всегда, загруженные доверху материалами для очередной стройки, здоровые волосатые австралийцы спешили к бог знает каким волнам.

Начался спуск с горки, и ты добавил газу. Ещё быстрее понеслись навстречу придорожные лавки, самодельные вывески сдающихся в аренду туристам бунгало, прилавки, с которых старики продавали бензин в стеклянных бутылках. Чем дальше от центра полуострова, тем реже встречались дома. Оживлённые и цивилизованные районы остались позади, дальше были лишь джунгли, пара скромных деревень да захудалые хибары местных пьяниц вдоль дороги.

Ты оставил байк на пыльной парковке, по которой носились курицы. С доской под мышкой, провожаемый взглядами сидящих на лавке стариков, направился к крутой тропинке на пляж.

Вдоль берега на подпорках из брёвен возвышались деревянные варунги. То были кафе и бунгало, которые держали местные. Смуглые, почти чёрные женщины в поблекших стареньких сарафанах на задних дворах готовились к новому дню: занимались стряпней, приносили кокосы, мыли посуду и иногда хихикали над чем-то, успевая при этом зазывать проходящих серферов в свои кафе. Их дети бегали босиком, играли и жгли костёр из сухих пальмовых листьев

Я зашёл в крайний варунг, который держал Маде, и поздоровался с ним, с его полноватой женой-хохотушкой, которая что-то стряпала для серферов на кухне, и с остальными завсегда-таями: стариком, приносящим каждое утро свежие кокосы, мальчиком, помогавшим обслуживать клиентов.

Маде — маленький мускулистый балиец. Из-за серфинга кожа у Маде заметно чернее, чем обычно бывает у его соплеменников. На его руке была едва различимая на этой черноте татуировка — изображение тигра. Его большие карие глаза живо моргали, когда я рассказывал о своём новом доме.

— Это хорошая цена для *bule*¹, — одобрил он мой выбор. — Тебе повезло. Так дёшево можно снять только бунгало в том конце пляжа, а там нет ни электричества, ни душа, да и туалет обычный.

Не было необходимости объяснять, что обычный туалет — это дыра в полу.

— И почём там?

— Миллион в месяц. Там, кстати, не так давно *bule* жили, пока им не пришлось уехать. Бар свой открыть хотели на пляже. Договорились с владельцем одного варунга, сделали ремонт, мебель закупили. Протянули две недели, пока не стали продавать алкоголь.

Я слышал об этой истории. Те двое влезли в серьёзные долги, чтобы начать бизнес, а в итоге пришли старейшины из банджара² и вежливо, но убедительно попросили закрыть лавку. Негоже белым отбирать кусок хлеба у местных на их же пляже.

— Маде, как сегодня волны?

Тот облокотился на деревянную ограду и присмотрелся.

— Для тебя хорошо, Андрес. Через час будет пик прилива, потом начнётся отлив.

— *Terima kasih*³.

— Учись, пока не сезон. Пока не пришли большие волны.

— Насколько большие?

Балиец почесал затылок.

— Когда как. Иногда приходят правда большие. Такие, что даже я не иду. И тогда на лайнапе всего пара человек. Приезжают профессионалы.

— Эдуардо сказал, что в сезон я тоже смогу здесь кататься.

Маде тихо засмеялся.

---

¹ белый человек в разговорном языке на Бали (*индонез.*).

² деревенское самоуправление на Бали (*от индонез. banjar*).

³ спасибо (*индонез.*)

– Эдуардо много чего скажет. Вообще, разные дни бывают. Но учатся нормальные люди в Куте. Там пена и начинать легко.

– Он сказал, что пена — это ерунда, и на полутораметровых волнах тоже можно учиться.

– Это зависит только от тебя, Андрес, — сказал Маде и улыбнулся.

– Ладно. Я пошёл.

– Давай, удачи. Я посмотрю на тебя, — сказал Маде. — Помни, большая волна не приходит одна.

Я взял восьмифутовый лонгборд и по деревянной лестнице спустился на песок. Большую и тяжёлую доску неудобно было нести. Толстый, с закруглённым носом лонгборд не имел ничего общего с теми короткими и лёгкими остроносими досками, что стояли в бамбуковой пристройке на вилле Эдуардо.

С первых дней тот обучал меня всему, что необходимо знать. Рассказывал, чем отличаются друг от друга доски из эпоксидной смолы и стекловолокна, как правильно выбирать себе лиш⁴; и о том, как помимо размера волн для серфинга ключевую роль играет направление ветра. Оффшор дует с острова в океан, навстречу волнам, и придает им правильную форму — в отличие от оншора, дующего из океана на берег в спину волнам, и разрушающего их раньше времени. Есть ещё кросшор — боковой ветер. Я узнал: поверхность воды, гладкая, как стекло, называется glassy, и она лучше для катания, чем поверхность беспокойная — choppy. Эдуардо научил меня читать прогноз свелла в интернете и объяснил, что кататься нужно только в прилив, потому что в отлив становится слишком мелко. На Балангане и на большинстве пляжей Букита — риф на дне, на нём можно оставить свою кожу.

Грести было уже не так сложно, как в первый день. Я больше не походил на человека, минут пять назад потерпевшего кораблекрушение и старающегося уцелеть, перекатываясь по морским валам на куске дерева. Дыхание было ровным, а мышцы только разогревались.

Передо мной выросла волна. Когда гребень стал закрываться, я перевернулся доской кверху, как учил Эдуардо, и через мгновение доска под напором волны сильно врезала мне по лицу. Я почувствовал резкую боль, солёную воду в глотке, меня закружило и протащило назад.

Пришлось справиться с несколькими волнами, прежде чем я добрался до лайнапа.

– Эге, друг, да у тебя нос разбит! — сказал мне сидящий неподалеку серфер. — Ты сейчас всех акул здесь соберёшь.

Я потрогал нос и увидел на руках кровь.

– Но тут нет акул.

– Ты прав. — По выговору я понял: он австралиец. — Хотя в том году я видел один раз... Пошли мы кататься на Балиане с одним местным, утро было раннее, гребём на лайнап — вокруг никого. И тут этот чёрт ка-ак заорёт!

Австралиец издал вопль и замахал руками.

– Что с тобой? — говорю ему. А он тычет куда-то в сторону. Я смотрю — в десяти метрах от нас акулий плавник круги нарезает. И вправду неприятный сюрприз, думаю. Но чего орать-то?

– И что в таком случае делать? — спросил я, невольно оглядываясь по сторонам.

– Да что делать, что делать... Обрубки свои на доску забрось и сиди тихо, не двигайся. А если будешь руками-ногами болтать, внимание акулы привлечёшь: акула на тебя, сидящего на доске, смотрит снизу и думает, что ты тюлень какой-нибудь. Хотя тот балиец и вправду был тюлень.

– И что в итоге?

---

⁴ (от англ. *leash*) страховочный поводок от серфера к доске.

– Ну, он забросил на доску руки и ноги, как я. Акула покружила-покружила и уплыла себе. Спокойнее надо быть в таких ситуациях.

Под нами проплыла большая стая полосатых оранжевых рыб.

– Каково это — родиться в раю для серфинга? — спросил я.

– Это ты про Австралию? — он призадумался. — Сидишь, бывало, на уроке в школе и глядишь на океан за окном. Учитель объясняет тебе теорему, а ты думаешь: «Волны футов пять, ветер оффшорный. На геометрию сегодня придётся не идти».

Мы оба засмеялись.

– Сам я из места под названием Wedge Island, это неподалеку от Перта, западное побережье Австралии, — продолжил он. — Вот у нас там акул полно. Эти твари достигают пяти метров. Как огромная зубастая машина, представляешь? Такая может разорвать человека надвое одним укусом.

– И защиты от них никакой?

– Да придумали вроде какие-то гидрокостюмы в чёрно-белую полоску. Акула такой окрас принимает за признак ядовитости — и вроде как нападать не должна. На себе не проверял, — он улыбнулся. — Волны? Да волны у нас самые разные есть. И народу на лайнапах — не протолкнёшься. Самые опасные волны? Да много опасных. Но вот из тех, на которых я катался... Я ведь одно время профессионалом был, у меня спонсоры были. Да, это очень сложно — быть профессионалом в Австралии. Конкуренция сумасшедшая, постоянно соревнования, и если ты не выигрываешь, то контракт с тобой разрывают. Но у меня вышло иначе. Однажды так тряхануло о риф, что я сломал спину.

Австралиец повернулся. Поперек коричневой от загара мускулистой спины виднелись длинные шрамы, напоминающие следы когтей.

– Семь месяцев был прикован к койке, но в итоге всё закончилось благополучно. Через год опять ловил волну. Но спонсоров у меня больше не было.

Он сидел на доске, щурился в отблесках солнца, а выгоревшие волосы ветер то и дело бросал на его загорелое лицо с белыми от цинка⁵ щеками и носом.

– Поэтому мой тебе совет: когдаходишь в океан, помни простую вещь: тыходишь в чуждый человеку мир, — продолжил австралиец после недолгого молчания. — Его можно любить или ненавидеть, но не уважать нельзя. Он не прощает глупости.

Загорелый, состоящий из одних мускулов, он походил на представителя вымершей расы.

– Не страшно было кататься после?

– Страшно было не кататься.

Мы сделали несколько гребков в океан и снова сели на доски.

– Что-то мы засиделись, — он улыбнулся и лёг на доску. — Смотри, моя волна!

Я увидел волну в полтора метра. Преодолев её и обернувшись, я разглядел за ней бело-брысую макушку австралийца.

Главным неприятным открытием первых недель было то, что ловить волны с помощью чужого толчка и самому — совсем разные вещи. С помощью Эдуардо удавалось ловить каждую волну. Но с того дня, когда я впервые взял в аренду лонгборд и пошёл кататься один, волны уходили от меня, хотя я выбивался из сил.

Прошло несколько часов, прежде чем удача улыбнулась мне. Уже начался отлив, колени и руки стали бордовыми от солнца. Я обернулся и увидел, что в нескольких метрах позади плавно поднимается небольшая стенка воды. Тёмно-синяя, в половину человеческого роста, волна стремительно приближалась.

Я лег на доску и стал делать сильные гребки. Руки уже не напоминали вёсла, которыми барахтает по воде неумелый гребец. Первый гребок. Ладонь с плотно прижатыми друг

---

⁵ специально разработанный для защиты от солнца не смывающийся в воде крем для серфинга (от англ. *zink*).

к другу пальцами разрезала тёплую воду. Второй, третий, четвёртый... Мне показалось, что я почти не сдвинулся с места. Пятый, шестой, седьмой гребок... Я не видел, что происходит позади. Я только почувствовал, как волна подхватила меня, оттолкнулся и вскочил на согнутые ноги. Доска понесла меня вперёд, разрезая морскую гладь, а белые брызги веером поднимались в воздух. Не было больше времени, было только сейчас: не было больше и меня отдельно от океана, мы стали единым движущимся целым. Я скользил долго и рухнул в воду уже ближе к пляжу.

На Балангане

Выйдя из океана, я прошёл по горячему песку и по деревянной лестнице поднялся в варунг Маде. Я ставил доску в отделение бамбукового стенда для серфбордов, когда за одним из столиков увидел Эдуардо. Он обедал с каким-то серфером.

– Андрес! — позвал он, и на заросшем густой бородой, коричневым от загара лице появилась белозубая улыбка. — Садись к нам!

Смуглый, крепкого телосложения и невысокого роста, он был в выцветшей от солнца футболке и шортах. Из-под футболки на руках и шее вылезали татуировки. Он и его сосед ели рис с курицей и овощами, я заказал то же самое.

– Это – Андрес, Альберто. Тот самый парень, который летел на Остров впервые и понятия не имел толком, куда направится из аэропорта, — сказал Эдуардо, откусывая от куриного яйца — тёмного, поскольку сваренные яйца местные хранят в котлах с каким-то особым соусом. Говорил он по-английски, но с сильным испанским акцентом, бегло и невнятно. Своими энергичными движениями Эдуардо напоминал подростка, но седые пряди в чёрных волосах выдавали его возраст — лет под сорок. — Это Альберто, мой друг и бизнес-партнёр.

– Очень приятно, — сказал Альберто, пожимая руку. — Кто однажды плавал в океане, уже не захочет купаться в море, да?

Он был высокого роста, что для испанцев нехарактерно, широкоплечий, с длинными волосами, которые выгорели на солнце и стали совсем светлыми. — Значит, прилетел на Бали один? Надолго, нет?

– Не знаю. Может, навсегда.

Альберто доел, вытер салфеткой рот и посмотрел на меня.

– И что привело тебя?

– Серфинг.

Альберто откинулся на спинку стула.

– Ты бросил всё, купил билет и прилетел сюда ради серфинга. Пробовал его до этого?

– Нет.

Он посмотрел на Эдуардо.

– Я сказал ему, что мог бы поучить его, раз уж он так рвётся к серфингу, — сказал тот и вытер бороду тыльной стороной ладони.

Альберто ухмыльнулся.

– Либо это твоё, либо нет, третьего не дано. — Он открыл бутылку пива. — Эх! В конце концов, нет ничего важнее мечты детства.

Мы чокнулись.

– Как твои успехи?

Я рассказал о своих затруднениях с набором скорости при ловле волны.

– На первом же занятии с моего толчка проехал по стенке волны, а сам тэйк-офф⁶ нормально сделать не может, — сказал Эдуардо. — Просто боится.

– Не боюсь.

– Нет, боишься. И пропускаешь из-за этого волны. Видел, как десятилетние дети двухметровые волны берут? Что, думаешь, они сильнее тебя?

– Ты всё равно должен наращивать мышцы, — сказал Альберто. — После каждого катания нужно есть много мяса, курицы и яиц. Как мы.

– И рыбы, — добавил Эдуардо.

– Да, и рыбы. Это белок, он укрепит твои мышцы, — согласился Альберто.

---

⁶ движение, при котором серфер запрыгивает на доску, когда волна его подхватила (от англ. take off).

– А как скоро можно будет взять доску короче?

– Не гонись за короткими досками, — сказал Альберто. — Проведи хотя бы несколько месяцев на лонгборде, хорошенько почувствуй его. Получай удовольствие. В этом смысл серфинга, а не в длине доски.

– Ерунда это, Андрес, — перебил его Эдуардо. — Если ты чувствуешь, что достаточно освоил лонгборд или любую другую доску, можешь смело менять её на более короткую. Это — следующий этап.

– Чему ты учишь парня? Дай ему хотя бы несколько месяцев провести на лонгборде. Если сразу хватать короткие доски, как бы ты ни старался, ничему не научишься.

– Нет, я с этим не согласен, — стоял на своём Эдуардо.

– А как быстро идет прогресс обычно? — спросил я.

– У всех по-разному. Многое зависит от физических данных, от таланта. Ты хорошо плаваешь?

– Неплохо, мне кажется.

– Но волны уходят от тебя. Воды не боишься?

– Говорит, едва не утонул в детстве, — сказал Эдуардо. — Но, Андрес, от страхов надо избавляться, если хочешь чему-то научиться.

– У каждого свои страхи, — сказал Альберто.

Жена Маде поставила передо мной тарелку с курицей и рисом.

– Сегодня меня впервые замесило так, что сильно не хватало воздуха.

– Когда тебя месит, ты не должен сопротивляться, это бесполезно, только зря израсходуешь драгоценный кислород. Все, что ты должен сделать, если тебя замесило – это защитить голову от рифа и расслабиться. Расслабиться, и получать удовольствие.

– Он прав, — сказал Эдуардо и задумался на секунду, словно что-то подсчитывая в уме. — Как только ты берёшь четыре волны с пяти попыток, ты готов к следующей доске.

Альберто закатил глаза и сказал:

– Лучший серфер, Андрес, тот, который получает больше удовольствия.

Эдуардо махнул рукой. Подошла жена Маде и собрала их тарелки.

– Кстати, Андрес! У меня есть для тебя доска, как закончишь с лонгбордом. Она будет идеальным следующим этапом для тебя, — продолжил Эдуардо, почесывая бороду. — Минималибу, семь с чем-то футов, не помню точно, надо дома посмотреть.

– Что такое минималибу?

– Минималибу — это класс досок между лонгбордами и шортбордами. Как бы переходный уровень, меньше первых, но больше вторых.

– И почём?

– Я отдам тебе её бесплатно. Как научишься кататься на ней и купишь себе новую, просто вернешь её мне.

– Спасибо.

– Да не за что. Только она это... Немного странно выглядит, ну, не совсем презентабельно, так скажем. Но ты не обращай внимания, она идеальна для обучения.

Я встал, чтобы взять себе бутылку холодного бинтанга⁷. Когда вернулся, Эдуардо и Альберто что-то бурно обсуждали.

– Никаких австралийцев в моих апартаментах! — выпалил Альберто.

– Я смотрю, их здесь не особо жалуют, — сказал я.

– Да глупости, не жалуется их только Альберто.

– Австралопитеки, — проворчал тот. — Прилетают на Бали и ведут себя как животные. — Он залпом допил колу. — Что школьники, что взрослые. Ты и сам видел, наверное, что

---

⁷ лидирующая марка пива в Индонезии (от индонез. *Bintang*).

творится в Куте по ночам. Все их интересы: кто сегодня какую волну поймал, — он вытянул губы и стал бить себя руками в грудь, — кто, где и как напился вчера, как после этого подрался с туристами и как снял туристку. Австралопитеки.

Альберто достал из кармана шорт смятые купюры, отсчитал несколько и положил на стол.

– Так, ладно, — он улыбнулся. — Приятно было познакомиться, а теперь мне пора за женой и ребёнком.

– Где они? — спросил Эдуардо.

– В Olas. Не был там ещё, Андрес? Отличная перуанская кухня.

Я помотал головой.

– По дороге от Нирмалы Унгасан сюда, по правой стороне.

– Спасибо. Обязательно заеду.

– Этой дороги не было и в помине лет двадцать назад, — сказал Эдуардо. — Раньше до Балангана, Улувату и других пляжей добраться было непросто. Ты же был на Улувату? Красивый пляж, съезди. Помнишь, какая гроза была на той неделе?

Я кивнул.

– Говорят, молния бьёт там чаще, чем где-либо в мире.

– Далеко он?

– Минут двадцать от моей виллы. Мы часто катаемся там.

– Но с доской тебе там делать нечего, — сказал Альберто и встал. — Кстати, приезжайте к нам на барбекю. Возьмём пива, мяса, я приготовлю *tapas*⁸, жена сделает салат.

– Спасибо.

– Ну всё, *hasta luego*⁹.

– До встречи, Альберто.

Он взял доску с общего стенда и прошёл к выходу.

– Как покатался? — спросил Эдуардо.

– За три часа поймал одну волну.

– Ещё поймаешь. Серфинг — самый сложный спорт из всех, что я пробовал. А пробовал я много чего.

– Например?

– всю молодость профессионально занимался футболом.

– В каком-то клубе?

– Я играл в юношеской команде «Атлетик Бильбао». Это известный футбольный клуб в Испании. А Альберто вообще был профессиональным футболистом. Но он из «Валенсии». Был очень недурным вратарём, пока его не сломали. Даже в сборную призывался.

– Бильбао — это в стране басков?

Эдуардо кивнул.

– На севере Испании. Мой родной город. Я был лучшим нападающим в своей возрастной категории. Мог обыграть по три человека зараз. Да и сейчас могу.

– А почему бросил?

– Ну-у, знаешь, как это бывает. Молодость, ночные клубы, девушки... Со временем стал играть хуже. Потом, когда настала пора определяться, выбрал учёбу и ушёл из команды.

Отлив был в разгаре и чёрно-зелёное дно — покрытый водорослями риф, — оголилось. Старик из варунга ходил по мели и собирал моллюсков.

– Конечно, я жалею в какой-то мере... Мог бы стать хорошим футболистом. Но, возможно, ещё стану тренером. Хочу пойти учиться в специальную школу и получить лицензию. Взял бы какую-нибудь местную команду, тренировал... Из меня вышел бы отличный тренер.

---

⁸ традиционные испанские закуски (*исп.*)

⁹ до встречи (*исп.*)

– А серфингом как занялся?

– Впервые попробовал у нас в Испании, лет в четырнадцать, может, в пятнадцать.

– И переехал сюда из-за него?

– Не только из-за серфинга, мне вообще тут нравится. Но во многом из-за него, здесь отличные условия, много разных волн. А от виллы — вон до Балангана рукой подать. Серфинг нужен мне каждое утро, чтобы чувствовать себя сильным. Взять несколько волн — отличное начало дня.

Поднялся ветер. Было приятно сидеть в тени от пекла, и, потягивая холодное пиво, наблюдать, как катаются другие.

– На Бали много русских серферов?

– Русских? Хм... Довольно много на самом деле. В последние годы их резко стало больше.

– И как они катаются?

– Ну, как тебе сказать... Некоторые хорошо, но большинство не очень. Меня раздражает, что многие не знают простых правил: постоянно лезут на чужую волну, дропают, не смотрят по сторонам, когда разгибаются... Я же рассказывал тебе, что такое дропать?

– Да.

– Из-за этого многие серферы не очень хорошо относятся к русским. А вообще, русские сильно отличаются в океане. Они, они... как же это слово... У них нет страха, вот. Они лезут на волны, которые им не по зубам. Волна русского накроет, ну, прям так сильно накроет, а он выплывает и как ни в чём не бывало живо гребёт обратно на лайнап, — Эдуардо темпераментно жестикулировал. — Хочется крикнуть ему: «Эй, парень! Ну куда ты лезешь?! Эти волны слишком большие для тебя! Ты там убьёшься!» А он спокойно старается поймать ещё одну такую же, его опять накрывает, но уже сильнее, а он гребёт ловить третью... Сумасшедшие! Плохой опыт их ничему не учит... Не понимаю я этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.